

Впечатления об Александре Романовиче Лурии

Дж. Верч

Вашингтонский университет в Сент Луисе, Сент Луис, США
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9477-0708>, e-mail: jwertsch@artsci.wustl.edu

Для цитаты: Верч Дж. Впечатления об Александре Романовиче Лурии // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 3. С. 58–60. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180307>

Impressions of Alexander Romanovich Luria

J.V. Wertsch

Washington University in St. Louis, St. Louis, USA
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9477-0708>, e-mail: jwertsch@artsci.wustl.edu

For citation: Wertsch J.V. Impressions of Alexander Romanovich Luria. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 3, pp. 58–60. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180307>

Моя история с Александром Романовичем началась в 1975 году, когда я учился в Москве в течение года в постдокторантуре, финансируемой IREX. Я много лет читал работы Александра Романовича, когда учился в Чикагском университете во время аспирантуры, но полагал, что вряд ли когда-нибудь встречу эту выдающуюся фигуру в мировой науке. Но Майк Коул, который несколько лет назад учился у А.Р. Лурии, помог мне в этом. На самом деле за тот год в Москве я понял, что имя Майка открывает многие двери. Итак, шел осенний семестр 1975 года, когда я оказался на лекции Александра Романовича на факультете психологии МГУ. В конце сеанса я подошел к нему и сказал, что я друг Майка, он тепло поприветствовал меня и сказал, что я должен зайти к нему, чтобы поболтать.

Через неделю я пришел к нему в его квартиру на улице Фрунзе. Он начал с того, что спросил меня, предпочитаю ли я говорить по-русски или по-английски. Тогда я предпочел английский. Только позже в том же году мой русский стал приближаться к его английскому, и тогда мы стали переходить на русский язык. Я рассказал Александру Романовичу, что приехал в Москву, чтобы продолжить свои занятия по психолингвистике, и после обсуждения текущего исследования, которым занимался он и другие коллеги, он предложил мне связаться с Таней Ахутиной.

Все это было частью моих больших усилий в то время, чтобы встретиться с коллегами в Москве, многим из которых суждено было стать важными

Рис. 1. А.Р. Лурия и Дж. Верч

ми фигурами в международных научных кругах в ближайшие десятилетия. Таня Ахутина, входившая в исследовательскую и клиническую группу

Александра Романовича, помогла мне погрузиться в психолингвистические исследования в Москве, а также в нейролингвистику — область, которая тогда только зарождалась, и во многом благодаря руководству Александра Романовича. Гостеприимство и репутация Тани позволили мне познакомиться с другими членами группы Александра Романовича, а также с другими коллегами в Институте языкознания в группе А.А. Леонтьева, занимавшимися вопросами коммуникации и психолингвистики. Все это открыло мне целый мир науки, о существовании которого на Западе подозревали немногие. В числе тех, кого я встретил в Москве в том году, были А.В. Запорожец, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, а также более молодые деятели науки, такие как А.Г. Асмолов, В.И. Голод и Б.С. Котик.

Времена, проведенные с Александром Романовичем, оставили у меня бесчисленное множество воспоминаний, но здесь я расскажу лишь о паре особо выделяющихся эпизодов. Первый произошел, когда Джером Брунер посетил Москву в декабре 1975 года. В числе сотни других слушателей я отправился в тот день на факультет психологии и пришел как раз в тот момент, когда Александр Романович и Джерри шли по коридору в лекционный зал. Я услышал, как Джерри спрашивал Александра Романовича, кто будет переводить его выступление. Александр Романович ответил, что он сам будет переводить. После того, как аудитория расселась, Александр Романович рассказал в своей вступительной речи о Джерри и передал ему слово. То, что произошло тогда, было демонстрацией уважения и восхищения между двумя главными фигурами в мировой науке, которая сопровождалась юмором. Джерри сказал примерно три предложения, Александр Романович перевел три предложения на русский. Они повторили эту схему еще несколько раз, а затем Джерри сказал три предложения, а Александр Романович пять — перевел то, что сказал Джерри, плюс дал дополнительные комментарии. Еще через несколько минут Джерри произнес три предложения, а Александр Романович — десять, включая семь предложений своих критических комментариев. Мне кажется, что Джерри так и не удалось озвучить до конца то, что он хотел, но это был богатый и запоминающийся интеллектуальный опыт для аудитории.

Все это делалось с большим уважением и мягкостью со стороны Александра Романовича, но оставляло Джерри, прекрасному оратору, мало шансов сказать то, что он хотел, а также вызывало некоторое недоумение с его стороны, так как он не знал, что говорилось по-русски. В последующие годы я несколько раз встречался с Джерри, и мы вновь вспоминали эту историю, которая доставила нам обоим большое удовольствие. Но главным для Джерри было его глубокое уважение к Александру Романовичу и восхищение им и его достижениями, включая новаторские исследования нарушений речи, нейропсихологии и межкультурной психологии. Благодаря неустанным усилиям Александра Рома-

новича познакомить мир с идеями Л.С. Выготского, который, как он скромно настаивал, вдохновлял его на все, что он когда-либо делал, эти достижения расширились и дальше.

Второй эпизод, который произвел на меня глубокое впечатление, связан с работой Александра Романовича врачом. В то время, когда технологию сканирования было трудно вообразить, он в попытке локализовать место травмы головного мозга сочинял блестящие концептуальные формулировки с высокоразвитыми клиническими методами, основанными на многолетнем опыте. Он, казалось бы, без особых усилий проводил свои оценки на клинических сессиях, параллельно комментируя все для окружающих его студентов. Это часто касалось пациентов, чьи эмоции могли взять над ними верх, когда они были разочарованы и встревожены тем, что не могли выполнить задачу, которую считали легкой до инсульта или черепно-мозговой травмы. Во время клинического сеанса, свидетелем которого я был 15 марта 1976 года, я записал в своей записной книжке, что женщина лет шестидесяти, перенесшая инсульт двумя месяцами ранее, рыдалась, потому что была очень расстроена отсутствием прогресса. Не теряя ни секунды, Александр Романович потянулся, схватил ее за руку и сказал несколько слов утешения, прежде чем вернулся к семинару.

Этот эпизод был, конечно, частью клинического семинара по нарушениям речи, но при этом стал уроком и о человеческом сострадании. Сочувственные жесты и слова Александра Романовича были искренними, и женщина это ясно чувствовала. Не будучи клиницистом, я не знаю, насколько распространены и успешны такие небольшие вмешательства, но наблюдать за тем, как Александр Романович делает это по-своему профессионально и с сочувствием, было очень трогательно. В тот день этот опыт был частью клинического семинара.

Этот эпизод также укрепил мою признательность Александру Романовичу за две его книги, которые будут читать спустя долгое время после появления технологии сканирования, позволяющей определить места повреждения головного мозга. Первая книга называется «Потерянный и возвращенный мир», вторая — «Ум мнемониста: Маленькая книжка о большой памяти». Последняя была опубликована на английском языке с предисловием Джерри Брунера, и обе книги окрестили первыми «неврологическими романами» Оливера Сакса, который впоследствии написал еще много работ в этом жанре. Эти два тонких тома подчеркивают необходимость изучения пациентов во всем их человеческом многообразии. Александр Романович намного опередил свое время, сформулировав идею о том, что к пациентам следует относиться как к человеческим существам, а не как к носителям симптомов. Это нашло отражение в его подходе к мозгу с точки зрения взаимодействующих функциональных систем и предположении, что специализированные исследования, сосредоточенные на узких проблемах, вряд ли увен-

чаются успехом, если мы не будем ценить более широкие проблемы человеческого бытия. И это должно быть частью образа порядочного, сострадательного клинициста.

Для меня подобные эпизоды давали представление о том, как Александр Романович относился к жизни. Особенно поразительно, что ему удалось со-

хранить эту человечность, перенеся множество испытаний в контексте войны и советской политики. В конце концов, он был одним из лучших примеров, с которыми я когда-либо сталкивался, того, как сочетать великий интеллект и сострадание, и по этим причинам он продолжает служить источником вдохновения и сегодня.

Информация об авторе

Верч Джеймс В., доктор психологических наук, профессор кафедры антропологии факультета гуманитарных и естественных наук, Вашингтонский университет в Сент Луисе, Сент Луис, США, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9477-0708>, e-mail: jwertsch@artsci.wustl.edu

Information about the author

James V. Wertsch, PhD, Professor, Department of Anthropology, Faculty of Arts and Sciences, Washington University in St. Louis, St. Louis, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9477-0708>, e-mail: jwertsch@artsci.wustl.edu

Получена 22.07.2022

Принята в печать 25.08.2022

Received 22.07.2022

Accepted 25.08.2022